

Люксембург Роза

**Социальная реформа или
революция?**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р64

Р64 **Роза Л.**
Социальная реформа или революция? / Люксембург Роза – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-519-94477-9

ISBN 978-5-519-94477-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Заглавіе этой книги можетъ съ перваго взгляда поразить читателя. „Соціальная реформа или революція?“ Развѣ соціаль-демократія можетъ быть противъ соціальной реформы? Развѣ она можетъ соціальную революцію, этотъ переворотъ существующаго строя, составляющій ея конечную цѣль, — противопоставлять соціальной реформѣ? Конечно, нѣтъ. Повседневная практическая борьба за соціальныя реформы, за улучшение положенія рабочаго народа еще на почвѣ существующаго строя, за демократическія учрежденія — все это составляетъ для соціаль-демократіи единственный путь для веденія пролетарской классовой борьбы, для работы за торжество конечной цѣли: захвата политической власти и уничтоженія системы наемнаго труда. Неразрывная связь существуетъ для соціаль-демократіи между соціальной реформой и соціальной революціей; борьба за соціальную реформу есть средство, соціальныя переворотъ — цѣль.

Противопоставленіе этихъ двухъ моментовъ рабочаго движенія мы находимъ впервые въ теоріи Эд. Бернштейна, изложенной имъ въ своихъ этюдахъ: „Проблемы социализма“, въ „Neue Zeit“ за 1897—1898 гг., и въ книгѣ: „Предпосылки социализма“. Вся эта теорія практически сводится ни къ чему иному, какъ къ предложенію отказаться отъ соціальнаго переворота, этой конечной цѣли социаль - демократіи и превратить соціальную

реформу изъ орудія классовой борьбы въ ея цѣль. Бернштейнъ самъ превосходно сформулировалъ свои взгляды слѣдующими словами: „Конечная цѣль для меня ничто, движеніе — все“.

Такъ какъ социалистическая конечная цѣль есть единственный рѣшающій моментъ, отдѣляющій социаль-демократическое движеніе отъ буржуазной демократіи и буржуазнаго радикализма, превращающій рабочее движеніе изъ жалкаго штопанья капиталистическаго строя—въ классовую борьбу противъ этого строя, то вопросъ „соціальная реформа или революція“ въ бернштейновскомъ смыслѣ равносильнъ для социаль-демократіи вопросу—быть или не быть? Всякій членъ партіи долженъ отдать себѣ ясный отчетъ въ спорѣ съ Бернштейномъ и его послѣдователями. Вѣдь дѣло идетъ тутъ не о томъ или другомъ способѣ борьбы, не о той или другой тактикѣ, но о самомъ существованіи социаль-демократическаго движенія.

При бѣгломъ просмотрѣ теоріи Бернштейна наша постановка вопроса можетъ показаться преувеличеніемъ. Развѣ Бернштейнъ не говоритъ на каждомъ шагѣ о социаль-демократіи и ея цѣляхъ, развѣ не повторяетъ онъ самъ многократно, что и онъ стремится къ социалистической конечной цѣли, только въ иной формѣ, развѣ не подчеркиваетъ онъ свое почти полное согласіе съ нынѣшней практикой социаль-демократіи? Конечно, все это вѣрно, но также вѣрно и то, что всегда въ развитіи теоріи и политики всякое новое направленіе пристегиваетъ себя вначалѣ къ старому—даже когда оно по своему внутреннему содержанію стоитъ въ прямомъ противорѣчьи къ нему,—что приспособляется оно вначалѣ къ готовымъ формамъ, говоритъ языкомъ, которымъ говорили до него. Лишь со временемъ новое зерно выступаетъ наружу изъ старой оболочки, и новое направленіе находитъ собственныя формы, собственный языкъ.

Ожидать отъ оппозиціи научному социализму, что она съ самаго начала ясно и отчетливо до конца выяснитъ свою внутреннюю сущность, что она открыто и рѣзко отречется отъ теоретической основы социаль-демократіи, значило бы не дооцѣнивать силы научнаго социализма. Кто сегодня хочетъ считаться социалистомъ и въ то же время объявляетъ войну могучему продукту человѣческаго духа послѣдняго столѣтія, тотъ долженъ начать съ безсознательнаго уваженія къ этой теоріи, объявляя себя самого приверженцемъ ея и въ ней самой ища опорныхъ пунктовъ для борьбы съ ней, выставляя притомъ самую эту борьбу, какъ дальнѣйшее развитіе теоріи. Не заблуждаясь этими внѣшними формами, постараемся очистить отъ скорлупы ядро, находящееся въ теоріи Бернштейна. Это особенно необходимо для широкихъ слоевъ промышленнаго пролетаріата въ нашей партіи.

Нѣтъ болѣе грубаго оскорбленія, болѣе рѣзкаго поношенія рабочаго класса, какъ утвержденіе: теоретическіе споры — это дѣло однихъ только „академиковъ“. Уже Лассаль сказалъ: „только тогда, когда наука и работники, эти два противоположныхъ общественныхъ полюса, соединятся, они задушатъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всѣ препятствія къ культурѣ“. Все могущество современнаго рабочаго движенія покоится на теоретическомъ познаніи.

Но въ данномъ случаѣ вдвойнѣ важно это познаніе для рабочихъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о нихъ, объ ихъ вліяніи въ движеніи, въ которомъ рѣшается ихъ собственная судьба. Оппортунистическое теченіе въ партіи, теоретически сформулированное Бернштейномъ, есть не что иное, какъ безсознательное стремленіе обезпечить руководящую роль въ партіи за переходящими къ ней мелкобуржуазными элементами, въ ихъ духѣ модифицировать практику и цѣли партіи. Вопросъ о социальной реформѣ и революціи, о конечной цѣли и движеніи,

есть вопросъ о мелкобуржуазномъ или пролетарскомъ характерѣ рабочаго движенія.

Поэтому-то именно въ интересахъ пролетарской массы, партіи необходимо самымъ энергичнымъ и самымъ внимательнымъ образомъ заняться нынѣшними теоретическими расхожденіями съ оппортунизмомъ.

До тѣхъ поръ, пока теоретическое познаніе останется привилегіей только кучки „академиковъ“ партіи, ей всегда грозитъ опасность сойти съ правильнаго пути. Лишь когда рабочая масса сама возьметъ острое оружіе научнаго социализма въ свои руки, всѣ мелкобуржуазныя блужданія, всѣ оппортунистическія теченія будутъ похоронены. Тогда и движеніе станетъ на крѣпкую, надежную основу. „Масса сдѣлаетъ это“.

Берлинъ, 18 апрѣля 1899 г.

Роза Люксембургъ.

Часть I.

I. Методъ Бернштейна.

Если теории вообще являются отраженіями явленій внѣшняго міра въ человѣческомъ мозгу, то относительно новѣйшей теории Эдуарда Бернштейна надо сказать, что она представляетъ собою перевернутое внизъ головой отраженіе. Вѣдь это теорія осуществленія социализма посредствомъ социальныхъ реформъ — въ эпоху Штумма-Посадовскаго, теорія контроля рабочихъ союзовъ надъ процессомъ производства — послѣ пораженія англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, теорія социаль-демократическаго большинства въ парламентѣ—послѣ саксонской конституціи и покушеній на всеобщее избирательное право! Тѣмъ не менѣе центръ тяжести разсужденій Бернштейна, по нашему мнѣнію, лежитъ не въ его взглядахъ на практическія задачи социаль-демократіи, а въ томъ именно, что онъ говоритъ относительно хода объективнаго развитія капиталистическаго общества, хотя, конечно, это тѣсно связано съ практическими взглядами.

По теории Бернштейна, крушеніе капитализма становится, по мѣрѣ его развитія, все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, капиталистическій строй обнаруживаетъ все возрастающую способность приспособленія, съ другой же стороны, производство все сильнѣе дифференцируется. Способность капитализма къ приспособле-

нію проявляється, по мнѣнію Бернштейна, во-первыхъ, въ исчезновеніи общихъ промышленныхъ кризисовъ въ результатъ развитія кредитной системы, організації підприємчателѣй и развитія средствъ сообщенія и способовъ передачи свѣдѣній, во-вторыхъ, она проявляється въ устойчивости средняго сословія, которая обусловливается постоянной дифференціаціей отраслей производства, а равно и переходомъ въ это сословіе значительныхъ слоевъ пролетаріата, и, наконецъ, въ третьихъ—въ экономическомъ и политическомъ улучшеніи положенія пролетаріата въ итогъ профессиональной борьбы.

Отсюда дѣлается такой общій выводъ для практики соціалъ-демократической борьбы, что дѣятельность соціалъ-демократіи должна быть направлена не на захватъ политической власти, а на улучшение положенія рабочаго класса и на достиженіе социализма не путемъ соціального и политическаго кризиса, а посредствомъ расширенія общественнаго контроля и постепеннаго проведенія въ жизнь принципа союзовъ. Лично Бернштейнъ не видитъ въ своей теоріи ничего новаго; напротивъ того, онъ утверждаетъ, что взгляды его вполне совпадаютъ какъ съ отдѣльными взглядами Маркса и Энгельса, такъ и съ общимъ направленіемъ, котораго придерживалась до сихъ поръ соціалъ-демократія. На самомъ же дѣлѣ, вникнувъ поглубже въ сущность его воззрѣній, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что воззрѣнія эти находятся въ прямомъ противорѣчьи съ идеями научнаго социализма.

Если бы весь смыслъ бернштейновской критики заключался лишь въ утвержденіи, что развитіе капитализма совершается медленнѣе, нежели мы себѣ обыкновенно представляемъ, то это было бы равносильно только отсрочкѣ предполагаемаго захвата пролетаріатомъ политической власти, результатомъ чего, въ крайнемъ случаѣ, могъ бы быть только болѣе спокойный темпъ борьбы.

Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ не такъ. Бернштейнъ затрагиваетъ вопросъ не о стремительности развитія, а о самомъ процессѣ развитія капиталистическаго общества и въ связи съ этимъ — о способѣ перехода къ социалистическому строю.

Если до сихъ поръ теорія социализма предполагаетъ, что исходной точкой социалистическаго переворота будетъ общій, разрушительный кризисъ, то, по нашему мнѣнію, здѣсь слѣдуетъ различать двѣ вещи: скрытую въ этомъ утвержденіи основную мысль и ея внѣшнюю форму. Мысль эта сводится къ утвержденію, что капиталистическій строй въ силу своихъ собственныхъ противорѣчій самъ подготавливаетъ моментъ своего крушенія,—моментъ, за которымъ его существованіе станетъ невыносимымъ. Этотъ моментъ небезосновательно представлялся въ видѣ всеобщаго и потрясающаго торговаго кризиса, но тѣмъ не менѣе это убѣжденіе является несущественнымъ и второстепеннымъ по сравненію съ основной мыслью.

Какъ извѣстно, научное объясненіе социализма основывается на трехъ нижеслѣдующихъ результатахъ капиталистическаго развитія: во-первыхъ, на возрастающей анархіи капиталистическаго хозяйства, которая дѣлаетъ неизбѣжной гибель этого строя; во-вторыхъ, на прогрессирующемъ [обобществленіи процесса производства, создающемъ положительные зачатки будущаго социальнаго строя, и третьихъ—на растущемъ могуществѣ и классовой сознательности пролетаріата, который представляетъ собой активнаго дѣятеля грядущаго переворота.

И вотъ Бернштейнъ отвергаетъ первую изъ этихъ трехъ основъ научнаго социализма, а именно онъ утверждаетъ, что капиталистическое развитіе не стремится навстрѣчу общему промышленному краху. Такимъ образомъ, онъ отрицаетъ не только опредѣленную форму крушенія капитализма, но и самую возможность этой катастрофы. Онъ говоритъ совершенно опредѣленно: „Мнѣ могутъ возразить, что тѣ, кото-

рые говорятъ о крушеніи современнаго общества, имѣють въ виду нѣчто большее, нежели общую и исключительно сильную форму прежнихъ, торговыхъ кризисовъ, а именно полное крушеніе капиталистической системы, благодаря своимъ же собственнымъ противорѣчіямъ“. И на это онъ отвѣчаетъ: „Полное и приблизительно одновременное крушеніе существующей системы производства не дѣлается по мѣрѣ развитія общества возможнымъ, а становится все болѣе и болѣе невозможнымъ, такъ какъ это развитіе, съ одной стороны, увеличиваетъ способность промышленности къ приспособленію, а съ другой—увеличиваетъ дифференціацію промышленности“.

Но тутъ возникаетъ большой вопросъ: почему и какъ вообще мы приходимъ къ конечной цѣли нашихъ стремлений? Съ точки зрѣнія научнаго социализма историческая необходимость социалистическаго переворота сказывается прежде всего въ растущей анархіи капиталистической системы,—анархіи, которая гонитъ капитализмъ въ безвыходный тупикъ. Но если допустить вмѣстѣ съ Бернштейномъ, что капиталистическое развитіе не идетъ къ своей собственной гибели, тогда и социализмъ перестаетъ быть объективно необходимымъ. Однако и послѣ этого отъ основныхъ камней его научнаго фундамента остаются еще два другихъ явленія капиталистическаго строя: общественный процессъ производства и классовая сознательность пролетаріата. Это имѣетъ въ виду и самъ Бернштейнъ, когда онъ говоритъ: „Міръ социалистическихъ идей рѣшительно ничего не теряетъ (въ результатѣ отрицанія теоріи переворота) въ силѣ своей убѣдительности; ибо, что представляютъ собою, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ перечисленные нами факторы устраненія или смягченія бывшихъ кризисовъ? Всѣ они являются въ то же время предпосылками, а отчасти даже зародышами обобществленія производства и обмѣна“.

Однако, достаточно небольшого размышленія для того, чтобы признать ложность и этого умозаключенія. Въ чемъ состоитъ сущность тѣхъ явленій, которыя Бернштейнъ относитъ къ средствамъ приспособленія капитализма, а именно: картелей, кредита, усовершенствованныхъ путей сообщенія, повышенія жизненнаго уровня рабочаго класса и т. д... Очевидно въ томъ, что они устраняють или по меньшей мѣрѣ притупляють внутреннія противорѣчія капиталистическаго хозяйства, препятствуя ихъ развитію и обостренію. Такъ, напримѣръ, уничтоженіе кризисовъ есть устраненіе противорѣчія между производствомъ и обмѣномъ на капиталистической основѣ; улучшеніе положенія рабочаго класса, отчасти, какъ таковаго, отчасти же въ видѣ перехода въ среднее сословіе, смягчаетъ противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ. Но если картели, кредитная система, рабочіе союзы и т. д. уничтожаютъ, капиталистическія противорѣчія и, стало быть, спасаютъ капиталистическій строй отъ гибели, поддерживаютъ капитализмъ — почему Бернштейнъ и называетъ ихъ средствами приспособленія, — то какъ же они одновременно могутъ представлять собой „предпосылки, а отчасти даже и зачатки“ социализма? Очевидно, въ томъ смыслѣ, что они особенно сильно обнаруживаютъ общественный характеръ производства. Но, сохраняя капиталистическую форму производства, они постольку же дѣлають излишнимъ переходъ этого обобществленнаго производства въ социалистическую форму. Поэтому они могутъ представлять собой предпосылки и зачатки социалистическаго строя только въ идейномъ, а не въ историческомъ смыслѣ, т. е. они представляютъ собою явленія, о которыхъ мы, съ точки зрѣнія нашего представленія о социализмѣ знаемъ, что они ему родственны, но на дѣлѣ не только не ведутъ къ социалистическому перевороту, а напротивъ—дѣлають его излишнимъ.

Послѣ этого единственнымъ основаніемъ социализма остается классовое сознаніе пролетаріата. Но и оно въ этомъ случаѣ не есть непосредственный психическій рефлексъ на постоянно обостряющіяся противорѣчія капитализма и предстоящей гибели его, — такъ какъ эта гибель устраняется средствами приспособленія, — а просто — идеаль, обаятельность котораго покоится на приписываемомъ ему совершенствѣ.

Однимъ словомъ, намъ преподносится обоснованіе социалистической программы „чистымъ познаніемъ“, то есть, попросту говоря—идеалистическое обоснованіе, въ то время какъ объективная необходимость, т. е. обоснованіе ходомъ матеріальнаго общественнаго развитія, отвергается. Бернштейнианство пришло къ дилеммѣ: или-или. Или социалистическій переворотъ попрежнему обусловливается объективными противорѣчіями капиталистическаго строя, а тогда и эти противорѣчія развиваются вмѣстѣ съ самимъ строемъ и результатомъ рано или поздно является социальная катастрофа въ той или иной ея формѣ. „Средства приспособленія“ не дѣйствительны и „теорія катастрофы“ правильна. Или же „средства приспособленія“ дѣйствительно предотвращаютъ катастрофу капиталистическаго строя и, слѣдовательно, дѣлаютъ капитализмъ жизнеспособнымъ, уничтожаютъ его противорѣчія,—а тогда социализмъ перестаетъ быть исторической необходимостью. Онъ представляетъ собой что угодно, но только не результатъ матеріальнаго развитія общества. Эта дилемма приводитъ къ другой: или Бернштейнъ правъ въ вопросѣ о ходѣ развитія капитализма—и тогда социалистическій общественный переворотъ становится утопіей, или же социализмъ — не утопія, но тогда теорія „средствъ приспособленія“ не годна. That is the question — въ этомъ весь вопросъ.
